

№ АНТРАКТЪ. 45.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно, по ордерамъ. Цѣна годовому изданію (60 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полугодовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (исего 2 руб. 60 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (изд. Н. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

О ПОДПИСКѢ НА ГАЗЕТУ

„АНТРАКТЪ“

1867 ГОДА.

„Антрактъ“ въ слѣдующемъ 1867 году будетъ издаваться по прежней программѣ и въ прежнемъ направленіи. Цѣна годовому изданію (50 номеровъ) съ доставкою на домъ въ Москвѣ — 2 р. сер.; для подписчиковъ же на театральныя афиши — 1 р. сер.; за пересылку въ другіе города прилагивается — 1 р. 50 к. с. Подписка принимается въ конторѣ типографіи Императорскихъ московскихъ театровъ (Н. И. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Въ настоящее время „Антрактъ“ есть единственное въ Россіи изданіе, посвященное исключительно театру; онъ слѣдитъ за дѣятельностью какъ русскихъ (столичныхъ и провинціальныхъ), такъ и иностранныхъ театровъ.

Содержаніе: Московскій театр. — Курьезы, вопросы и замѣтки (Курьезный бенефисъ. Письма темныхъ людей. Посильная услуга). — Смѣсь (Новая пьеса. Случай въ театрѣ. — Отвѣты редакціи).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

На прошлой недѣлѣ въ Большомъ театрѣ не было ни одного, особенно выдававшегося спектакля. Въ бенефисъ хора повторилась «Луcreція Борджія» съ дивертисментомъ. Въ послѣднемъ, по бенефисной афишѣ, должна была участвовать г-жа Гранцова, но не участвовала по болѣзни. Въ зрителяхъ на этотъ спектакль недостатка не оказалось, чему мы отъ всей души радуемся. Члены нашего хора дѣлаютъ свое дѣло па столько старательно, и дѣла этого у нихъ такъ немало, что намъ особенно пріятно, когда на долю каждаго изъ нихъ перепадаетъ нѣсколько десятковъ липшихъ рублей, которые пмѣ далеко величшіе, да которыхъ они, говоря по со- пѣсти, и вполне заслуживаютъ. Малый театръ подарилъ насъ на прошлой недѣлѣ однимъ спектаклемъ съ новостями; но новости эти такого рода, что мы рѣ- шаемся говорить о нихъ не иначе, какъ въ отдѣлѣ курьезовъ.

КУРЬЕЗЫ, ВОПРОСЫ И ЗАМѢТКИ.

Курьезный бенефисъ.

Бенефисы г-жи Акимоной давно уже отличаются отъ бенефисовъ другихъ артистовъ нашей дра- матической труппы. Мы привыкли встрѣчать на бенефисныхъ афишахъ этой артистки нелитературно- театральныя диковинки, въ родѣ «Легкихъ надбавокъ», «Лпзъ Роминныхъ», «Двухъ поколѣній», «Овечпихъ шубъ» и т. п. и потому ожидали, что въ нынѣшнемъ сезонѣ бенефисъ ея подаритъ насъ какою нибудь прі- ятною новинкою въ этомъ жеродѣ, но при всемъ томъ обманулись, такъ какъ видѣноенами на ея бенефисѣ превзошло даже наши ожиданія. Любопытный спек- такль этотъ начался, по заведенному теперь обыкнове- нію, ппзсою съ г-жею Аркадьевой, которая показывала экзерциціи свои въ повой роли. Мы очень рады, что бенефициантамъ пришла благая мысль замѣпить го- голевскія сцены, «Лакейскую», дававшіяся для съѣзда — г-жею Аркадьевой; но не можемъ при

этомъ случаѣ не признаться, что г-жа Аркадьева напоминаетъ намъ несчастнаго жепха, который, пѣ подевилъ «Авошь попривыкнетъ», хочетъ приучить къ своей физиономіи певлету и потому развѣшаваетъ на всѣхъ стѣнахъ и простѣнкахъ свой портретъ. Г-жа Аркадьева хочетъ, кажется, во чтобы то ни стало, атамъ же почти путемъ приучить къ себѣ публику: авось, дескать, попривыкнетъ! И вѣдь дѣйствительно поше ужъ, должно быть, успѣли попривыкнуть, потому что послѣ піэсы г-жа Аркадьева удостоилась вызова.

Чтобы бросить кусокъ инымъ пенасытнымъ и несдѣшнымъ всеяднымъ утробамъ и чтобы хотя чуть-чуть почтѣть вниманіемъ современное направление вкуса московской публики, которая и въ спектакляхъ Малаго театра, и въ концертахъ Музыкальнаго общества такъ живо интересуется классическими піэсами и такъ энергично заявляетъ себя за нихъ, чтобы удовлетворить этимъ двумъ, не вовсе пустымъ условіямъ, бенефициантка придумала разыграть на своемъ бенефисѣ, непосредственно вслѣдъ за третьимъ дебютомъ г-жи Аркадьевои, сцену пѣзъ шекспировскаго «Гамлета». Сколько разъ уже говорили мы о бездѣльности и странности постановки на сцену и разыгрыванія отрывковъ изъ піэсы. И тѣмъ художественнѣе и дѣльнѣе піэса, изъ которой выдерживается та или другая сцена, чѣмъ патетичнѣе выдерживаемая сцена, тѣмъ нелѣпѣе бываетъ подобное выдерживаніе. Вырывать изъ «Гамлета» сцену сумасшествія Офеліи—значитъ расписываться въ совершенномъ непониманіи шекспировской драмы, пи того дѣла, къ которому призываются исполнители оторванной сцены. Какъ бы ни былъ изящно правленъ носъ, онъ никогда не дастъ понятія о дѣломъ прекрасномъ лицѣ, если закрыть послѣднее. Для чего было г-жѣ Акимовой заставить спускаться готическій залъ, ставить посреди сцены единственное кресло, чимъ-то тремъ голосамъ изображать за кулисами «смятеніе парода», одѣваться въ костюмъ королевы и напускать на себя важность г-жу Рыкалону, всхлипывать и ломать себѣ руки г. Третьякову, наконецъ, г-жу, Федотову изображать Офелію въ сценѣ, гдѣ роль Офеліи почти сплошнъ состоитъ изъ пѣнія, тогда какъ у г-жи Федотовой пѣть вовсе сноснаго для пѣнія голоса, почему пѣніе ея звучало постоянными диссонансами? Диссонансы эти, разумѣется, не могутъ и не должны быть объяснены даже п сумасшествіемъ Офеліи, какъ апдѣ, не перестающаго быть художественнымъ спмнатичнымъ даже п въ сумасшествіи. Какое впечатаніе все это, взятое вмѣстѣ, могло произвесть на публику?

Ядромъ бенефиснаго спектакля было самоновѣйшее произведеніе г. Вильде «Въ глуши». Если бы мы смотрѣли на это произведеніе, какъ на піэсу скольконибудь серьезную, мы не стали бы вовсе говорить о ней, какъ не имѣемъ обыкновенія говорить о разныхъ арлекинадахъ, и блокадахъ масляничныхъ балагановъ; но мы знаемъ въ комедіи г. Вильде ни больше, ни меньше, какъ только пародію на всевозможныя современныя оригинальныя піэсы. Намъ кажется, что до сихъ

поръ это произведеніе остается непонятнымъ, неразгаданнымъ и неоцѣненнымъ. Сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ и публика, и рецензенты видѣли въ ней вовсе не то, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ: въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается и причина ея паденія на петербургской сценѣ. Рассматривать ее, какъ піэсу тенденціозную,—значитъ грубо оцѣпбаться и принимать скворца за лстреба. Напрасно поэтому такъ ожесточился противъ піэсы г. Вильде нашъ сотрудникъ по петербургскимъ театрамъ; напрасно и статья «Отечественныхъ Записокъ» (сентябрь, книжка 1-я) объ этой піэсѣ мечеть свои громы на нее и на ея автора, котораго обызываетъ жалкимъ авторомъ, жалкимъ человекомъ, жалкимъ актеромъ, трактуетъ о его ингилистической гривѣ, караетъ упрямую живучесть дерзости и проч., и проч.! Всѣ эти громы обращаются на громающаго. Дѣло въ томъ, что піэса г. Вильде совершенно пародія, и только пародія. Въ ней устроенъ апофеозъ безсмыслия современнаго піэсописанія, указаны геркулесовы столбы, къ которымъ приблизилось оно, раскрыты дебри заустѣнія, непроходимая глушь авторскихъ фантазій. Мы не будемъ спорить, что, какъ пародія, она не имѣетъ за собою недостатковъ; прежде всего мы готовы вмѣнять ей въ недостатокъ ея относительную блѣдность и несмѣлость. Правда, что подвыги дѣйствующихъ лицъ комедіи г. Вильде крайне оригинальны и любопытны; такъ его княслота — Софья Михайловна, говорящаяся, высунувъ языкъ, за женихами, вѣшающаяся на шею первому встрѣчному, обнаруживаетъ очень крупно то ощущение (не чувство, не страсть), которое истинно таятъ въ себѣ и прикрываютъ даже обезьяны п собакамъ; правда, что эта княслан дѣва сидѣнѣе великой сѣрной кислоты выдаетъ чувство естественнаго стыда и протпчи; правда, что его Впсляковъ очель остроумно метаморфозируется въ сову, такъ что дѣйствительно даетъ полное право Застѣжипу безпрестанно повторять ему, что онъ о совѣль; правда, что сцена, когда пѣннаго Впслякова Застѣжипнъ сплюю тащить по комнатѣ, намѣревансь свести его въ церковь для бракосочетанія, и кричатъ при этомъ, что женихъ поѣхалъ — выдумка очень пргрвая, и проч., и проч.; но тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что г. Вильде могъ бы довести насмѣшку надъ здравымъ смысломъ и правдой до гораздо болѣе крупныхъ размѣровъ. Обрацаемъ вниманіе г. Вильде на гениальнаго испанскаго пародиста, Сервантеса. Развѣ герой его знаменитой пародіи на рыцарскіе романы, Донъ-Кихотъ, не катается кубаремъ, не вертится колесомъ п не ходитъ на головѣ, отрѣшпвшись отъ ревнивыхъ одеждъ? Отчего бы и г-пу Вильде не заставить Впслякова выдѣлывать вѣчто въ этомъ родѣ? Или вотъ, напр., передъ нами лежить афиша, возвѣщающая, что въ залѣ при гостпвнцѣ Эрмптажъ — «Миссъ Жозефина, прозванная «парижскими журиадми — воздушная Перри, плавающая въ воздухѣ лишь для своего удовольствія, исполнитъ на трапезѣ самыя трудныя упражненія». Отчего бы и Впслякова не заставить плавать въ воздухѣ лишь для своего удо-

рольствія и исполнять на трапезѣ трудныя упражненія? Отчего бы, напр., не заставить этого пьявцу проснуться въ третьемъ дѣйствіи съ хохломъ на лбу или съ тремя носами, выросшими въ ночь на лицѣ его? Отчего бы, положимъ, не зашпты Вислякова на почѣ въ перину и потомъ заставить его барахтаться въ пуху и не безъ труда вылѣзть изъ перины? Все это было бы назидательнѣе, ирривѣе и затѣйливѣе, а стало быть, и больше бы очаровывало и смѣшало публику, которая пменно относилась ко всемъ дѣйствующимъ лицамъ пародіи г. Вильде съ такимъ же чувствомъ любознательной пылливости, съ какимъ слѣдятъ ребенокъ за движеніями мухи, у которой овъ только что оборвалъ крылья. Что такое безкрылая муха?—интересуется знать ребенокъ. Что такое лишенный всего человѣческаго человѣкъ?—интересовало зрителей пѣсы г. Вильде. Впрочемъ, эта пародія—первая попытка автора, и овъ, конечно, не остановится на ней. Мы очень рады, что г. Вильде избралъ себѣ новый и, какъ видно, болѣе удающійся ему родъ авторской дѣятельности. Желаемъ ему успѣха! Наши артисты, исполнители главныхъ ролей, вполне повали пѣсу г. Вильде и исполняли роли свои совершенно въ духѣ пародіи. Г-жа Васильева усердно закатывала зрачки подъ лобъ и впивалась своими губами въ щеку г. Вильде, когда Щелкодурова позволяетъ дочери поцѣловать Лабадина; г-жа Акимова съ особеннымъ тщаніемъ упрала па слова: к и с л а я, к и с л о т а, р а с к в е с л а, которыя безпрестанно по роли должны были вертѣться на ея языкѣ, и съ нарочитымъ трескомъ провозгла букву р вездѣ, гдѣ въ поवादѣ она; г. Садовскій, изъковецъ, ухитрялся принимать въ болѣе свлвныхъ мѣстахъ его роли даже совнвую физиономію.

Что въ пародіи г. Вильде совершалось надъ людьми, то въ другой пародіи, «Боги Олимп», совершалось надъ богами. Въ первой съ людей совлекалась ихъ чловѣческая природа, во второй—боги теряли свою божественную природу и ввозводились на землю. Но въ обопхъ дѣйствіихъ этой второй пародіи боги, скучая олноково и на небѣ, и на землѣ, предаваясь пустой, пошлой и дльной болтовнѣ и распѣвая на разные голоса, наводили невыносимую скуку и на зрителей, которые въ очень большомъ количествѣ собрались на бенефисъ г-жи Акимовой, рассчитывая болѣе всего позабавиться пменно этими Богами Олимп, отъ которыхъ ждали и намековъ на нашу общественную жизнь, и остроумія, но въ которыхъ не оказалось и тѣни послѣдвго. Надобно, впрочемъ, и тутъ отдать полную справедливость исполнителямъ этой пародіи: они съ своей сѣорной сдѣлали все, чтобы усплвть впечатлѣніе отъ той скуки, которая должна была бы томить только боговъ Олимп въ этой нелѣпой и нескладной вебы лицѣ, но истомла въ конецъ и зрителей. Мы давно не припомнимъ пѣсы, въ которой бы почти никто изъ исполнителей не зналъ своихъ ролей до такой степени, чтобы нельзя было идти и по сфюдеру. Можно было подумать, что пѣса разыгрывается экспромптомъ, безъ одной репетиціи; роли перевралсь, происходили безпрестанныя

остановки, куплеты едва пѣлись, а, вмѣсто хороваго пѣвца подъ аккомпаниментъ пѣлъ «Аскольдовой Могила», слышенъ былъ какой-то влекъ двухъ-трехъ голосовъ. Танцы были бы, пожалуй, составлены недурно, если бы не были нѣсколько пилы. Но при этомъ нельзя не сказать, что музыка подобрана со вкусомъ, а г. Тимоеевъ съ сподовенною ему доброшностью позаботился о постановкѣ даже и этой пустой пѣсы, не вводя дирекцію въ большіе расходы на нея и обойдась почти всемъ старымъ такъ, что нѣкоторое изъ этого старого, какъ напр., декорація 1-го дѣйствія, могла бы сойдти хоть и за новую. Мы очень благодарны г. Тимоееву, что овъ такъ верлво доставляетъ намъ случай дѣлать о немъ благоприятныя сказы. Намъ пріятно встрѣчаться съ такимъ почтеннымъ дѣятелемъ во всехъ родахъ театральной дѣятельности. Побольше бы только ихъ!

Вотъ и все. Неправда-ли, прекуръезный спектакль?

Письма темныхъ людей.

«Солнце блѣднѣетъ, листья съ деревьевъ падаютъ и природа заснула, а Москва проснулась и украсилась кокетливыми зимними произведениями. Неправда-ли, интересное и совершенно поэтическое вступленіе? А знаете-ли, что мы заимствовали его изъ начала послѣдней рекламы «Comtesse d'Orge», помѣщенной въ 239 № Московскихъ Ведомостей, замѣнивъ только слово Парижъ—словомъ Москва? Догадываетесь ли вы, что единственная причина нашего продолжительнаго молчанія заключалась въ томъ, что мы совсѣмъ было рѣшились прекратить вашу корреспонденцію въ Антрактъ, не желая навлекать на васъ лишній разъ неудовольствие и становиться между вами и вашими благопріятелями, которыхъ все таки еще у васъ больше, чѣмъ мы думали. Давнѣтъ, каемся, не утерпѣли, и вотъ теперь, въ пору глубокой осени, когда со всевозможныхъ огородовъ собраны ихъ продукты, мы рѣшаемъ снова поднести и вамъ довольно увѣсистую на этотъ разъ кошницу овощей изъ огородовъ литературныхъ и театральныхъ.

— Въ самомъ верху нашей корзины намѣренно (чтобы скорѣе въ глаза бросилсь) помѣщаемъ мы овощи изъ вашего огорода. Скажите, пожалуйста, для чего это въ послѣднее время и вы ужъ (et tu, Brutus!) стали время отъ времени бросаться въ читатели Антракта иностранными словами? И добро бы эти иностранныя слова обрѣтались въ статьяхъ вашихъ сотрудниковъ, а то вѣдь, къ великому изумленію и неудовольствію нашему, они обрѣтаются въ вашихъ собственныхъ статьяхъ. Ну, зачѣмъ, напр., понадобилось вамъ слово: сплтезь, которое пустили вы въ ходъ и чуть ли не два раза употребили въ вашей статьѣ по поводу пѣсы г. Вильде въ 41 № Антракта? На что это мудреное слово вамъ понадобилось? Такъ-таки ужъ будто безъ него и обойтись не могли? Ужъ не позавидовали ли вы г. Павновскому и многимъ ученикамъ его въ фельетово-

писанин? Не захотѣлось ли ужъ и вамъ заявить способность безо всякой нужды бить русское ухо нѣмыми для него звуками? И не стыдно это вамъ?

— Зачѣмъ вы стали заниматься скрадываніемъ чужой собственности (чтобы не сказать воровствомъ и мошенничествомъ)? Зачѣмъ въ 44 № Антракта, пориспечатавъ изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей статью, о циркѣ Репца, вы выкрали и утаили изъ нея нѣсколько строкъ? Авторъ этой статьи говоритъ, что клоуны цирка Репца «своимъ остроуміемъ «затемняютъ остроуміе нѣкоторыхъ вашихъ драматическихъ авторовъ (и къ этому прибавляетъ—), а «спм про визпровапныя лмп сцены, безъ «сомпнѣнїа, превосходятъ своимъ смы- «словъ такія піесы, какъ «Въ глуши». Съ какою цѣлью вы не перепечатали въ Антрактѣ нѣкоторыхъ послѣднихъ, подчеркнутыхъ вами строкъ? Ужъ не пренебрегли ли вы сердцемъ вашею вѣжливостью и не возревновали ли вы объ интересахъ бѣлефиса г-жи Акимовой, которая такъ плѣнилась этою піеской? Сборовъ, что-ли, подрывать не хотѣли? Какъ вы думаете, чье сп асп бо должно быть вамъ дорожее: публики и вашихъ читателей, или всякаго перазборчиваго дебютанта? Нѣтъ, впередъ скрадывайте лучше съ неба луну, только не скрадывайте всего того, чѣмъ можете освѣтиться въ глазахъ публики всякій невѣдомый для нея предметъ, всякая неизвѣстная ей піеса? Или ужъ (сейчасъ только пришло вамъ это въ голову) не типографскія ли тайны поглотивши пропавшія безъ вѣсти строки?

— Въ самомъ дѣлѣ, не водятся ли и за театральною типографіею тѣхъ же тайнъ, которыя обнаружены г. Н. Н. за типографіею университетской Каткова и К^о тожъ)? Куда бы иначе дѣтѣся цѣлому акту изъ піесы г. Вильде «Комедія»? Замѣтили ли вы, что въ первое представленіе эта піеса была четырехактною, а вѣдь ужъ потомъ театральныя афиши нѣсколько разъ возвѣщали, что въ піесѣ-то всего только три дѣйствія? Хотѣлось бы знать, куда могло дѣваться цѣлое дѣйствіе, хотя при этомъ насъ, конечно, вовсе не интересуютъ,—какое именно изъ четырехъ дѣйствій пропало; мы очень хорошо понимаемъ, что изъ подобныхъ піесъ, какъ «Комедія», можно во всякое время не только безъ вреда, но даже съ огромною пользою выдернуть нѣ ю б о с дѣйствіе, закъ что даже и замѣтно не будетъ, и слѣда не останется. А знаете-ли, что вѣдь такія складныя и крайне удобныя по своей необычайной подвижности піесы научилъ писать русскихъ авторовъ—Островскій,—да, самъ Островскій? Согласитесь ли вы съ нами, что вѣдь его пятиактное Доходное мѣсто—собственно піеса одноактная, что первый и пятый акты ея—только прологъ и эпилогъ (съ нѣкоторыми даже особенными лицами, которыя въ нихъ только и являются, какъ оба Вышневецкіе); а второй и третій акты—совершенно отдѣльные эпизоды, въ которыхъ дѣйствіе піесы даже еще и не завязывается (вѣдь нельзя же назвать завязкой выставку дѣйствующихъ лицъ для педущаго къ дѣлу собесѣдованія о разныхъ предметахъ—во второмъ актѣ и для трагедійнаго обпировапія и пляски—въ третьемъ); остается, стало быть, только

одинъ четвертый актъ, въ которомъ и совершается собственно всѣ драма этой комедіи. Не правда-ли, что первый, второй, третій и пятый акты Доходнаго мѣста могутъ быть очень удобно опускаемы по одному или всѣ вмѣстѣ изъ опроверженіе ариаметическаго правила, по которому отъ уменьшенія количества слагаемыхъ сумма уменьшается?

— Кстати, сообщите ли вамъ радость? Вѣдь извѣстіе Русскихъ Вѣдомостей, что большинство дамъ сочли приличнымъ удалиться до конца чтенія комедіи Бобарыкина «Иванъ да Марья», извѣстіе то это вѣдь не справедливо? Право! Вонъ сами старшины Артистическаго Кружка въ 238 № Моск. Вѣдомостей заявляютъ (долго, долго не отстаемъ мы теперь отъ странной привычки все и обо всемъ непременно заявлять), такъ сами старшины заявляютъ, что дамы прослушали комедію и что «скоро много» въ ней не было и не могло заключаться, что, стало быть, она имѣетъ характеръ совершенно постыдный. Мы думаемъ, что комедія эта и не могла быть не постыдною, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, дамы Артистическаго Кружка, пріученныя только къ слушанію произведеній совершенно постыдныхъ, т. е. къ сухостію, не стали бы дослушивать комедію.

— Замѣтили ли вы, что «Пахота» на театральныхъ афишахъ постоянно называется «большимъ пантомимнымъ балетомъ»? Рас толкуйте намъ, пожалуйста, что это значитъ? Если балетъ съ двумя небольшими дѣйствіями называется большимъ, то не слѣдуетъ ли балеты въ четыре и пять дѣйствій называть на авшѣ самыми большими или огромными балетами? Какіе балеты не могутъ назваться пантомимными? Какія яблоки не могутъ назваться плодами? Нужно ли бумагу называть бумагой, а хлѣбъ—хлѣбомъ и вино—виномъ?

— Знаете-ли, вѣдь г. Музиль въ фонъ-визигской комедіи изъ Митрофанушки-то изобразилъ вовсе не «зародыша будущаго изверга», какъ это вамъ показалось? И догадываетесь ли вы, почему именно это вамъ такъ показалось? Правда-ли, что (какъ свидѣтельствуемъ г. Н. Н. въ 37 № Современной Лѣтописи) вы смотрѣли на г. Музиля болѣе умственнымъ, чѣмъ физическимъ окомъ? Поняли ли вы, что вѣдь это въ вашъ огородъ камушекъ-то закинутъ и что подъ словомъ: въ которыхъ разумѣется именно вы, потому что и слова вашей статьи приведены? А знаете-ли (какъ въ грустно, а мы должны открыть вамъ горькую правду), вѣдь взгляды-то ваши ош и б о ч е в ѣ? Вы спросите насъ: почему ош и б о ч е в ѣ? Не знаемъ хорошенько; но только г. Н. Н. ар ѣ ш и т е л ь н о у б ѣ ж д е в ѣ, что вашъ взглядъ ош и б о ч е в ѣ? А жаль намъ васъ! Ну, да подѣломъ: впередъ не смотрите на сцену умственнымъ окомъ! Да и скажите, зачѣмъ это вамъ, въ самомъ дѣлѣ, портить безъ толку умственное око, когда у васъ есть два физическихъ ока. Не лучше ли бы вамъ въ этомъ случаѣ взять примѣръ съ другихъ, болѣе благоразумныхъ зрителей, напр.

хоть бы съ того-же г. Н. Н.? Онъ умственнымъ оцеса свои, какъ видно, бережетъ.

— Не отъ того-ли, что г. Н. Н. смотритъ только физическимъ окомъ, онъ и видитъ иногда предикопные виды и досматривается до разныхъ странностей? Привидится ему верѣдко одно, а потомъ окажется, что онъ смотрѣлъ совсѣмъ другое, и онъ самъ сейчас-же повѣдаетъ и докажетъ, что ему действительно видѣлось не то, что онъ видѣлъ. Вы не вѣрите? Ну, такъ мы вамъ и образчикъ представимъ. Вотъ, напр., смотритъ г. Н. Н. «Комедию» г. Вильде и кажется ему, что (см. Совр. Лѣт. № 37-й) пѣска эта хоть куда и что основная мысль ея не лишена правды и интереса, и что въ пѣсѣ есть свѣтлая личность Лизы. Казалось, чего бы еще? Но подождите. Нѣсколькими строками ниже самъ же г. Н. Н. говоритъ, что эта Лиза «рѣзче, безпощаднѣе и дерзче обращается съ сестрой, чѣмъ та съ ней», что «любя одного, Лиза безъ всякой борьбы и очень охотно выходитъ за другаго», что «считая мужа своего превосходнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ, она продолжаетъ любить перваго своего поклонника», что «допуская съ этимъ послѣднимъ короткость, выдавая съ нимъ по цѣлымъ днямъ, она вдругъ отталкиваетъ его отъ себя», что эта Лиза потомъ «самымъ веделкатнымъ образомъ осыпаетъ упреками мужа» проч. Какъ вамъ нравятся такая свѣтлая личность? Хорошъ-ли свѣтъ, которымъ эта личность освѣщается? Кроме того, далѣе оказывается, что «публичка (п. г. Н. Н. въ томъ числѣ) заодно съ мужемъ Лизы «ве поймаетъ страдавій» этой свѣтлой личности, что г. Н. Н. «не видитъ вовсе» въ пѣсѣ г. Вильде «драмы»; мало того, г. Н. Н. даже *не знаетъ, чего именно требуетъ та или другая роль (этой пѣсѣ) отъ своего исполненія*. Не правда-ли, хорошая, должно быть, пѣска, въ которой даже вѣдь-то не разглядншь? Куда же это вдругъ исчезло все: основная мысль, и правда, и интересъ, и свѣтлая личность? Теперь согласитесь вы съ нами, что г. Н. Н. увидалъ не то, что смотрѣлъ, и что представилось его физическому оку?

— И знаете-ли, что вѣдь не только г. Н. Н. смотритъ однимъ физическимъ окомъ на вещи и видитъ не то, на что смотритъ; въ этомъ ему не уступаютъ и другіе. Вотъ и московскій фельетонистъ Голоса тоже довольно зорко физическимъ окомъ. Онъ, напр., однажды (Голосъ № 275) «вздумался смѣлости приговора» Автракта объ оперѣ Эсмеральда и, какъ человѣкъ «знающій», вздумалъ отпарировать нападеніе Автракта? Что же вышло? Автрактъ назвалъ оперу «посредственностью», а г. Псевдонимъ, фельетонистъ Голоса, нечаянно обвинилъ оперу «въ отсутствіи единства и характера» (легко сказать!), а композитора въ поборахъ и замствованияхъ, такъ какъ г. Псевдонимъ, «прислушавшись (впрочемъ бы узнать, какимъ только ухомъ: физическимъ или умственнымъ?) къ от-

дѣльнымъ нумерамъ оперы, узнаетъ знакомые мотивы то изъ той, то изъ этой оперы того или другаго известнаго композитора». Хороша защита! Смѣлости какого изъ этихъ двухъ приговоровъ (Автракта или Голоса) можно и слѣдуетъ болѣе изумить о?

— Кстати, читали ли вы открытіе, сдѣланное тѣмъ же Псевдонимомъ въ томъ же 275 № Голоса? Онъ открылъ пятна въ драмахъ Шекспира (не пугайтесь, пожалуйста, вѣдь пятна есть и на сѣдцѣ). Знаете-ли, что «черты англійскихъ нравовъ и англійскихъ типовъ, сохранившіяся въ драмахъ Шекспира, пятнаютъ эти драмы»? Вы, можетъ быть, не вѣрите, во это слова самого г. Псевдонима, и мы васъ для удостовѣренія отсылаемъ къ его фельетону. Этому важному открытію суждено, конечно, прозвѣсти огромный и самый радикальный переворотъ во вкусахъ, повятяхъ и взглядахъ. Теперь ужъ мы съ вами, быть можетъ, первые устыдимся восхищаться въ комедіяхъ Гоголя, Грибоедова, Фонъ-Визива тѣмъ, чѣмъ восхищались до сихъ поръ и что, какъ оказывается, только пятнаетъ ихъ собою, т. е. черты русскихъ нравовъ и русскихъ типовъ.

— А если ужъ пошло на открытія, такъ вотъ вамъ и еще одно. Не стыдно ли вамъ быть невнимательнымъ къ дѣлу, которое должно быть вамъ очень близко? Вотъ вы все жалуетесь, что изъ нашей драматической труппы дарованія только убываютъ, не замѣщаясь новыми; а между тѣмъ у васъ на глазахъ, и именво въ драматической труппѣ, какъ грибокъ, выросло новое дарованіе, которое однако до сей поры остается вамъ незамѣченнымъ. Будетъ, право-же, будетъ вамъ смотрѣть умственнымъ окомъ; оно соблазняетъ только васъ, взмите же скорѣе его и вержете отъ себя. Извольте-ка взглянуть однимъ физическимъ окомъ—и вы узрите, что это новое дарованіе открыто въ г. Федотовѣ и уже на этотъ разъ открытіе сдѣлано не однимъ, а двумя наблюдателями, именво г. Н. Н. и Псевдонимомъ: первый изъ нихъ называетъ г. Федотова «артястомъ очень даровитымъ» (Совр. Лѣт. № 32), а второй—«актеромъ весьма даровитымъ» (Голосъ № 242). И всего страннѣе то, что открытіе это сдѣлано какъ г. Н. Н., такъ и г. Псевдонимомъ по одному и тому же странному поводу. Говоря о совершенно испорченной г. Федотовымъ роли Клитандра (въ «Жоржѣ Данденѣ»), оба рецензента сдѣлали заключеніе о *важномъ и пренятереснѣйшемъ секретѣ?* Думали ли вы, что въ *ше время, въ ваше странное время, особенно червчатое всякаго рода христоматіямъ: литературнымъ, историческимъ, торговымъ, естественно-историческимъ,—существуетъ также и фельетонная христоматія?* Повѣрите ли вы, что эту наивышнюю тайну разболтала міру нескромность г. Пановскаго, этого grand-papa, пріятеля и учителя нашихъ фельетонистовъ? Да, въ 216 № этотъ достоуважаемый льгописатель, Несторъ нашихъ дней, во всеуслышаніе свидѣтельствуетъ о существованіи

такой христоматии, состоящей изъ «стереотипныхъ фразъ, приправленныхъ аттической солью». — «Спасибо г. Трибу, который выпускаетъ поминутно чтонибудь новое!» — восклицаетъ Comtesse d'Orge (см. реклама ея въ 239 № Моск. Вѣд.). — Спасибо г. Пановскому, который также поминутно выпускаетъ чтонибудь новое! — восклицаемъ мы. — Сомнѣваться я въ томъ, что составитель этой христоматии, конечно, никто другой, какъ самъ же г. Пановскій, который, быть можетъ, изъ одной только, всегда присутствующей ему скромности, не упоминаетъ объ этомъ, или, употребляя его же выраженіе, «проходитъ предательскимъ молчаніемъ» это обстоятельство! Отъ чего только оны держатъ этотъ трудъ свой подъ спудомъ и не выпускаетъ его на свѣтъ божій? Ему ли сомнѣваться въ той несомнѣнной пользѣ, которую принесъ бы онъ и русской литературѣ и нашимъ, въ такомъ количествѣ расплодившимся по лицу русской словесности фельетовистамъ — издавемъ фельетонной христоматіи? Сбытъ этой квинтэссенціи былъ бы невѣроятный. И сколькихъ несчастныхъ выручила бы она изъ бѣды и вывела бы изъ мучительнаго положенія, въ которомъ обрѣтаются по сей день эти несчастные, долженствующіе являть изъ себя всезнаекъ а, иногда и веобладающіе даже знаніемъ русской грамоты, неумѣющіе употреблять въ настоящемъ смыслѣ многія слова и выраженія. Будъ издава фельетовая христоматія, развѣ Москвитчъ (Моск. Вѣд. № 231) сказалъ бы тогда, что г. Гинне «вздумъ высшую школу» (по русски-ли сказать: что такой-то живописецъ рисуетъ высшую школу)? Развѣ при существованіи фельетонной христоматіи, московскій корреспондентъ Голова пустилъ бы въ ходъ сказаніе о какой-то «глубинѣ драматической разработки сюжета» (Голова № 275), выраженіе, въ которомъ никто не дождется никакого смысла? А развѣ безымяный, безцвѣтный и чуть-ли не безплотный фельетонистъ Развлекенія рѣшился бы печатно (Развл. № 38) произнести слѣдующее, будто изъ устъ самой Пивенъ вышедшее изреченіе: «я много радуюсь похвальному стремленію поэта (Островскаго) — къ воскресенію мертвыхъ (рѣчь идетъ о воскресеніи изъ мертвыхъ Дмитрія Самозванца)? Если бы г. Пановскій выдалъ свою фельетовую христоматію, мы бы много радовались похвальному стремленію этого фельетовиста къ наученію педагогившихся его собратьевъ по фельетовому ремеслу. Съ помощью христоматіи эти несчастные ремесленники, быть можетъ, хотя и несколько отрѣшились бы отъ теперешняго своего вершества во пишущей формѣ ихъ фельетонныхъ, а внутренность ихъ статей была бы всегда отгариловава бульоне (употребляемъ на этотъ разъ очень намъ поправившееся и совершенно удобопонятное выраженіе изъ рекламы Comtesse d'Orge, № 239 Моск. Вѣд.). Г. Н. Н. тогда, навѣрвее, не пришлось бы безпрепятственно впадать въ стилистическіе, логическіе, психологическіе и всевозможные промахи и потому самому же оговаривать ихъ, лишній разъ оправдываться и расшаркиваться передъ тѣми, о комъ го-

ворить, и передъ публикой. Да наковецъ, не думаете-ли вы, что, имѣя подъ рукою свою христоматію, и самъ составитель ея будетъ поворачивать на ничего невыражающіи фразы, напр., въ родѣ «изложениа звука» (Моск. Вѣд. № 216); фразу эту для всѣхъ русскихъ, которые не могутъ повять съ самъ г. Пановскій счелъ пужнымъ перевести на французскій языкъ выраженіемъ: «emission de la voix», и перевелъ вовсе невѣрно, такъ какъ изложеніе по французски — exposition, а не emission — ппусканіе, издаваніе, и по русски говорится: издавать (а не излагать) голосъ. Впрочемъ г. Пановскій, какъ видно, въ большей части случаевъ придерживается своей христоматіи и переполюетъ статьи свои болшею частию сплошь «стереотипнѣйшимъ» фразами, въ родѣ: голосъ одаренъ способностью къ вокализаци, не чуждъ драматизма, птотопациа дѣрна, порывы сильны п смѣлы, тембръ пріятный (Моск. Вѣд. № 216); не мало также во всѣхъ статьяхъ его п «аттической соли обычной крптки», въ родѣ: покойный Морель велъ пребезпокойную жизнь п проч. Вообще, не по этой ли драгоценной христоматіи, статьи г. Пановскаго бывають болшею частию отгариловавы бульове въ подломъ (намъ впрочемъ, невѣдствомъ) значеніи этихъ словъ.

— А вѣдь что хотите, преудивительный человекъ этотъ г. Пановскій. Чего только онъ не знаетъ, чего не видитъ? Ну кто, напр., можетъ похвастаться такою зоркостью, чтобы съ перваго шага» (съ одного шага!) г-жи Гранцовой увидать, какъ это увидаль г. Пановскій (Совр. Лѣт. № 367), что въ ней болѣе увѣренности, что движенія ея сдѣлались развязнѣе, мягче, округлились, въ нихъ было замѣтно болѣе пластички, болѣе сценической живописи или обрисовки? Шутка-ли, танцовщица сдѣлала одно только движеніе ногой, только одинъ первый шагъ, а ужъ ему было видно все, въ одномъ движеніи — всѣ движенія и даже съ живописью или обрисовкой! Очевъ бы интересно знатъ, физическимъ или умственнымъ окомъ смотрѣлъ и усмотрѣлъ все это г. Пановскій?

— Кстати, замѣтили-ли вы, что г-жа Гранцова «пополнѣла п — много этимъ выиграла»? Знаете-ли, что прежде «отсутствіе въ ней пластичной выразительности (sic)» приписывали условіямъ рѣзкихъ формъ (что это?), а должно приписать тогдашнему, неполному развитію эстетическаго чувства (пъ комъ: въ г-жѣ Гранцовой, въ зрителяхъ или въ г. Пановскомъ — хорошевоко ве знаемъ)? Подозрѣвали-ли вы, глядя на танцы г. Соколова, что вѣдь оны ничто иное, какъ дополненіе? Обо всемъ этомъ повѣдалъ намъ и всему міру г. Пановскій въ томъ же 36-мъ № Современной Лѣтописи. Исполать этому лѣтописателю! Нѣтъ, однако какъ же это, неужели-таки г. Соколовъ — въ самомъ дѣдѣ, дополненіе? Почему не подлежащее, не сказуемое, не опредѣленіе, а именно — дополненіе? Неужели в вы сами этого не знаете? Ай, стыдно! — Знаете-ли вы, что для г. Пановскаго «оче-

видяю, что «наставниками г-жи Гранцовой были жизнь и свѣтъ» (Сов. Лѣт. № 36)? Почему же это не очевидно для московскаго корреспондента Голоса, который (въ № 313) утверждаетъ, что г-жа Гранцова «теперь попала въ руки (какого-то) отличнаго учителя и наслушалась совѣтовъ, въ Парпжѣ? Кому же вѣрить? Не лучше-ли, не пріятнѣе-ли повѣрить г. Пановскому и надѣяться, что скоро всѣ, даже блпжайшія отъ воды танцовщицы сдѣлаются первыми отъ рампы, потому что волей-неволей, а всѣ онѣ и съ одиваковымъ усердіемъ выздаются уроками жизни и свѣта, этихъ общихъ наставниковъ?»

— Скажите, пожалуйста, дѣйствительно-ли г-жа Гинне «великолепно исполняетъ піафе», какъ повѣствуетъ Москвичъ въ № 231-мъ «Московскихъ Вѣдомостей»? Кстати ужъ, втолкуйте намъ, непонятливимъ, и что такое это піафе? Хорошее это слово или вѣтъ, приличное или неприличное, прозрачное и ясное, или совсѣмъ темное, какимъ кажется оно намъ, людямъ темнымъ?

— Правда-ли, что на нашей сценѣ явилась ивица, пѣніе которой совершенствуется не по днямъ, а по часамъ? Точно-ли знаете вы, что г-жа Меньшикова «много усовершенствовалась свое дѣвіе со времени своего перваго дебюта» (13-го октября) до дня появленія статьи о ней Москвича въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 3-го ноября, т. е. стало бытъ въ 21 день?

— Кстати, о пѣніи. Повѣрите-ли вы, что г. Пановскій, во время перваго представленія на нашей сценѣ Ивдры, въ партіи Сѣтова (король) слышалъ въ сколко задушевыя романоу, (Совр. Лѣт. № 36-й)? А вы слышали? Не можете-ли, по крайней мѣрѣ, обстоятельно отвѣтить на вопросъ: какимъ ухомъ слушалъ пѣніе г. Сѣтова нашъ строгій музыкальный критикъ — физическимъ или умственнымъ?

— Разрѣшите-ли вы намъ слѣдовать совѣту подвизающагося въ Развлеченіи вслемудраго фелетониста и соразмѣрить высокое наслажденіе, выносимое нами изъ театра, съ доней получаемой отъ театра реальной пользы (Развл. № 38)? Не посоветуете-ли вы намъ въ такомъ случаѣ искать на высочайшаго наслажденія въ мастерской перваго сапожника, хлѣбника, или кузнеца, гдѣ такъ преизбыточествуетъ реальная польза?

— Правда-ли, что г. Фредерикъ «столько дѣтъ со славой занимаетъ должность старшаго учителя танцевъ въ театральнѣй школѣ», какъ свидѣтельствуетъ г. С. Яковлевъ въ № 34 Современной Лѣтописи? Не два ли только года тому назадъ явился онъ на сцену г. Блазису?

— Видѣли-ли вы разосланное при развѣхъ пзданіяхъ объявленіе о подпискѣ на журналъ Вазу въ будущемъ году? Любовались-ли вы изображеніемъ на этомъ объявленіи парящей дѣвою въ пещерномъ развѣхъ надписями платѣ? Замѣтили-ли вы, гдѣ помѣщается надпись: «искусства»? — На подолѣ платѣ парящей дѣвы. Не правда-ли, хорошее

мѣсто отведено искусству? Отчего вы послѣ этого не объявили объ издачи Антракта въ будущемъ году не упомянули, что вашъ листокъ будетъ идти въ уровень съ современнымъ положеніемъ искусства, какъ ученые журналы нерѣдко уведомляютъ публику, что они не выйдутъ изъ уровня современной науки?

Прощайте!

Обскуринтъ.

Лосильная услуга.

Спасибо, большое спасибо Темнымъ людемъ! Они мнѣ открыли глаза. Я прежде просто не терпѣлъ балета. Встрѣчая въ письмахъ Темныхъ людеи выдержки изъ статей о балетахъ разныхъ рецензентовъ, я сильно заинтересовался этими выдержками. Невѣроятность ихъ заставляла меня рыться въ старыхъ статьяхъ, очаровательная загадочность и темнота которыхъ все болѣе и болѣе увлекала меня, и тѣ рецензіи, которыя прежде я по невѣжеству пропускалъ мимо глазъ, я скоро началъ читать и перечитывать съ жадностью. Меня плѣняла громкая слова, которыми онѣ были переполнены и чѣмъ меньше понималъ я эти слова, тѣмъ больше проникался желаніемъ повять ихъ и проникнуться всею глубиною ихъ таинственнаго значенія. Знаете-ли, чѣмъ я сталъ заниматься? Я началъ переводить болѣе любопытныя и таинственныя изъ нихъ на русскій языкъ. Долженъ признаться, что сначала работа моя спорилась плохо; обложившись всевозможными пноязычными лексиконами, я нерѣдко пѣлся ночи проспывалъ надъ пвымъ затѣйливымъ кабалетическимъ словомъ, которое, какъ заколдованное, не давалось мнѣ, потому что не обрѣталось ни въ одномъ лексиконѣ; но я не упалъ духомъ. Зато какою же радостью исполнился духъ мой, когда вдругъ скорлупа слова спадала передо мной. Никогда не забуду я, какимъ благодарнымъ чувствомъ пропился я, когда не поддававшееся долго моимъ усиліямъ хитрое выраженіе г. Пановскаго (о, таинственный чародѣй): «à pointe doublee» вдругъ было прекрасно объяснено въ «Голосѣ» (№ 313-й) г. Псевдонимомъ (о, невѣдомый благодѣтель!), который перевелъ это французское выраженіе на русскій языкъ выраженіемъ: «двойной пуэнтъ». — «Эврика, эврика!» какъ сумасшедшій, закричалъ я тогда какъ еще готовъ кричать даже, и теперь. Проникнувшись всею мудростью статей о балетѣ, я до страсти полюбилъ и самый балетъ, не сталъ пропускать ни одного балетнаго спектакля и даже сдѣлался вхожъ въ отелы многихъ звѣзд нашего балета. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и привело меня къ очень важному открытію. Такъ какъ мнѣ приходилось влпзв созерцать многообразныя подарки, подносимыя отъ публики балетнымъ звѣздамъ, то я пмѣлъ очень частыя случаи читать посланія, которыми нерѣдко сопровождаются эти подарки и въ которыхъ обыкновенно выражается удивленіе, восторгъ или признательность звѣздамъ. Самъ проникнутый тѣми же чувствами, я въ душѣ благодарилъ подносителей, но

ужасался формъ (обыкновенно стихотворной) большей части изъ этихъ посланий.

Желал оказать услугу безчисленнымъ подвостелямъ подарковъ и дѣятельнымъ талантовъ, я возымѣлъ намѣреніе составить Сборникъ стихотвореній, удобныхъ для поднесенія при подаркахъ балетнымъ звѣздамъ и для альбомовъ ихъ. Стихи эти наполнены наилучшими таинственными словами. Выбранныя изъ разныхъ ученѣйшихъ статей о балетахъ, слова эти могутъ свидѣтельствовать о вѣдшей учености подносителя, даже и въ томъ случаѣ, если ип самъ онъ, ни та, которой будутъ посвящены стихи, ничего не поймутъ въ нихъ. Пока мой Сборникъ не явился еще въ свѣтъ, я рѣшаюсь черезъ Антрактъ познакомить публику съ двумя изъ моихъ стихотвореній. Надѣюсь, что услуга моя будетъ оцѣнена по достоинству и тяжкій трудъ мой найдетъ себѣ поощреніе и поддержку. Вотъ эти пробныя стихотворенія.

I.

Какъ въ вашемъ танцѣ вкуса много!
Вамъ удивляться долженъ свѣтъ.

О, какъ всегда законченъ строго
Вашъ пируэтъ, вашъ пируэтъ!

Какъ ваше pas de deux сердечно,
Какъ выразительно, твердо!

Какъ удается безконечно
Вамъ dos-à-dos, вамъ dos-à-dos!

Вы поражаете искусствомъ!

Вы всемъ тацовщицамъ примѣръ.

Какъ переполненъ страстью, чувствомъ
Вашъ terre-à-terre, вашъ terre-à-terre!

Какъ въ каждомъ на у васъ замѣтенъ
Своеобразный элементъ!

Какъ просто у васъ, но не безцвѣтенъ
Двойной пуэнтъ, двойной пуэнтъ!

II.

Нѣтъ достойныхъ васъ овацій!

Танецъ вашъ прелестенъ, милъ;

Дышетъ въ немъ избытокъ силъ.

Вы, боюсь, одна изъ Грацій!

О, для вашихъ элевацій

Не потребно ирригацій (*)

Для сценическихъ досокъ:

Металлической носокъ

Такъ у васъ устойчивъ, крѣпокъ!

Онъ съ ногъ Венеры слѣпокъ.

Ножка двою-хороша—

Ей бы быть лишь въ Ватиканѣ!

(*) Слово ирригаціи впервые пушено въ ходъ г Павовскимъ; оно означаетъ—поливаніе. Полъ сцены обыкновенно передъ танцами поливается.

Прии. авт.

Какъ видна, у васъ душа

Въ каждомъ вашемъ батеманѣ,

Въ каждомъ вашемъ антраша!

Чудеса творитъ вашъ геній!

Много жизни въ васъ, ума...

Поступательныхъ движеній

Строго линія пряма.

Въ васъ какъ будто все изъ слюды.

Вы, ей-ей, легки, какъ пухъ.

Занимаютъ просто духъ

Куде-пье паттиуды;

И въ труднѣйшей изъ фигуръ

Ловкость въ васъ видна, умѣнье...

Ну, а что за восхищенье

Ускоренный вашъ аллюръ!

Чародѣйка же вы, право!

Ахъ, съ предизіей какой

Антраша вы ип остаю

Исполняете порой!

Ваши прелесть-кабриолы,

Вамъ натрутъ, боюсь, мозоли...

Впрочемъ, мазь такая есть—

Можно мазью той безъ боли

Всѣ мозоли разомъ свестъ.

Пока довольно.

Отъ гл. лентый балетоманъ.

—Одобрена къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театальною цензурою: Свекровъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ, въ стихахъ, соч. Чаева.

—Нѣсколько дней тому назадъ, во время представленія на Маломъ театрѣ въ Варшавѣ пьесы «Местъ изъ-за пограничной черты», загорѣлось платье на-г-жѣ Мазуровской, представлявшей роль Подстолпы. Находчивость бывшего на сценѣ актера г. Хомняскаго, при помощи директора оркестра г. Ливановскаго, не только спасла г-жу Мазуровскую отъ угрожавшей ей опасности, но вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ ловко и скоро потушили вспыхнувшее пламя, что даже представленіе не прерывалось.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Г. Р.—му. Письмо ваше не можетъ быть напечатано

Г. Д'... Помѣщеніе въ «Антрактѣ» вашихъ замѣтокъ было бы безцѣльно, такъ какъ о постоянномъ абонементѣ нѣтъ и рѣчи.

Г. Борисову. Статья ваша будетъ напечатана при первой возможности.